

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

DOI: 10.46698/w5492-6711-5209-k

ДИСКУРСИВНАЯ МАТРИЦА РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Л. Т. Калабекова
Т. А. Такоева

На сегодняшнем этапе развития науки контрастивная лингвистика, являясь одним из наиболее перспективных направлений в современном языкознании, все больше обращается к тексту, к речевым актам, к конкретному воплощению языковых средств в дискурсе, руководствуясь наиболее приоритетной тематикой и продуктивными методами современного лингвистики. Так, в частности, любой аспектологический анализ языкового материала представляется неполным, если не упомянуть о дискурсивной теории вида, которая имеет как своих приверженцев, так и ярых оппонентов. Между тем, сторонники дискурсивного анализа не противопоставляют свою концепцию традиционному подходу, а толкуют ее как расширение и дополнение последнего. Дискурсивная информация близка синтаксической. Не являясь непосредственным отражением свойств окружающего мира, она лишь подтверждает статус языковой единицы в тексте. Упомянутая теория предполагает связывание значений аспектуальных граммем не с внутренними свойствами самих ситуаций, описываемых глагольной лексикой, а с их функциональной значимостью в пределах конкретного текста. Появление у видовой граммемы дискурсивных употреблений рассматривается как признак ее языковой «зрелости» и высокой степени грамматикализованности. В языках с разными структурными и внутриязыковыми установками (каковыми являются осетинский, русский и английский) средства репрезентации характера протекания действия принципиально различны. При этом немаловажным в осмыслении слагающихся межъязыковых коллизий становится этнический компонент: существенно неодинаковое ментальное восприятие разными этносами окружающего мира, их способность по-разному отображать одни и те же явления действительности. Вместе с тем сегодня постулируется идея существования общеевропейского языкового стандарта, согласно которой в пределах европейского ареала можно обозначить значительную группу языков, объединенных общностью их структурной идентичности, когда ареальная близость языковых культур оказывает влияние не только на инвентарь грамматических значений, но и на принципы устройства грамматических систем.

Ключевые слова: межъязыковые коллизии, дискурсивная информация, языковая культура, этнический компонент, аспектуальное значение, генетическое родство.

Контрастивная методика приобретает сегодня особую значимость при ее проекции на языковой материал различных структурных языков, так как упомянутая методология а priori обеспечивается богатым эмпирическим материалом, служащим основой для лингвистического анализа. Контрастивная грамматика, лежащая в основе контрастивных штудий, не может оставаться грамматикой в узком смысле этого слова, поскольку она высвечивает общее и отдельное в ментальности, в культурных и духовных приоритетах, в наиболее существенных этапах развития человеческих сообществ. Особого упоминания требует вклад Петербургской/Ленинградской типологической школы, в основе деятельности которой лежит идея А. А. Холодовича о возможности единообразного описания грамматических категорий в разных языках мира как формально различных средств выражения некоторого единого ограниченного множества значений — «универсальной библиотеки смыслов», создание которой и составляет сверхзадачу исследователя [1, 11-12].

На сегодняшнем этапе развития науки контрастивная лингвистика, являясь одним из наиболее перспективных направлений в современном языкознании, все больше обращается к тексту, к речевым актам, к конкретному воплощению языковых средств в дискурсе, руководствуясь наиболее приоритетной тематикой и продуктивными методами современного лингвистики [2, 321]. Так, в частности, любой аспектологический анализ языкового материала представляется неполным, если не упомянуть о дискурсной теории вида, которая имеет как своих приверженцев, так и ярых противников. Между тем,

сторонники дискурсного анализа не противопоставляют свою концепцию традиционному подходу, а трактуют ее как расширение и дополнение последнего. Дискурсная информация близка синтаксической. Не являясь непосредственным отражением свойств окружающего мира, она лишь подтверждает статус языковой единицы в тексте. Упомянутая концепция предполагает связывание значений «видовых граммем не с внутренними свойствами самих ситуаций, описываемых глагольными лексемами, а с функцией этих ситуаций в составе текста, с их текстовым «статусом». Появление у видовой граммемы дискурсных употреблений рассматривается как признак ее языковой «зрелости» и высокой степени грамматикализованности [3, 391-396].

В языках с разными структурными и внутриязыковыми тенденциями (каковыми являются осетинский, русский и английский) средства репрезентации характера протекания действия принципиально различны. При этом немаловажным в осмыслении слагающихся межъязыковых коллизий становится этнический компонент: существенно различное ментальное восприятие разными этносами окружающего мира, их способность неодинаково отображать одни и те же явления действительности. Вместе с тем сегодня постулируется идея существования общеевропейского языкового стандарта (*Standard Average European*), согласно которой в пределах европейского ареала можно обозначить значительную группу языков, объединенных общностью их структурной идентичности [4; 5], когда ареальная близость языковых культур оказывает влияние не только на инвентарь грамматических зна-

чений, но и на принципы устройства грамматических систем [6, 144].

Видовая категория русского языка как категория преимущественно формообразовательной модели неотделима от категории времени. При этом временная категория конструируется на фоне аспектуального значения. Бесспорно, что славянская аспектология справедливо признается наиболее разработанной. Однако несмотря на известные достижения в этой области науки, ученые до сих пор не приходят к однозначному осмыслению целого ряда принципиально важных вопросов. Так, в частности, исследователи русского *вида* до настоящего времени не находят решения проблемы о выделении и определении статуса различных способов действия (СД). Такое положение приводит к неодинаковому толкованию содержательной составляющей этих последних, а именно: то, что одни аспектологи трактуют как проявления одного и того же СД, другие интерпретируют как разные СД.

Основным продуктивным средством видообразования в современной осетинской лингвосистеме является перфективация: словоизменительная категория, преобразующая грамму несовершенного вида глагола в совершенный (НСВ/СВ). На видовое значение осетинских превербов обратил внимание академик А. Шёгрэн еще в середине XIX века. Однако более полному и всестороннему описанию видообразующие функции осетинских превербов подверглись лишь намного позже. Перфективирующая функция осетинских превербов оказывается идентична функции русских приставок в их способности сообщать произ-

водным глагольным лексемам (кроме *фа-*) значение однократности только в прошедшем и в будущем временах. Что касается настоящего времени, то ни в русской, ни в осетинской лингвосистемах превербыв не придают морфологически отмеченным лексемам значения перфективности действия [7, 511]. Наряду с функциональной близостью между славянскими и осетинскими превербывами возникла близость и материальная. В обеих лингвосистемах встречаются, например, превербыв к которым прибегают преимущественно для выражения аспектуальных значений, так как локативная семантика этих последних выражена слабо. Речь идет об осетинском *фа-* и русском *по-*, которые близки не только функционально, но и этимологически. Сравним: работать — *кусын*, поработать — *факусын*; играть — *хъазын*, поиграть — *фахъазын*; звать — *дзурын*, позвать — *фадзурын* [8, 58-59; 63-66].

Существенную роль в оформлении аспектуального характера процесса в осетинской лингвокультуре отводится также частицам *-иу-* и *-цай-*. Инфикс *-иу-*, присоединяясь к приставочному глаголу, образует, с регулярной частотностью, многоактный СД (*æрбацыди... — иу*), глаголы же с частицей *-цай-*, формируясь на фоне морфологически отмеченных глагольных лексем, и, нейтрализуя значение граммы СВ, способствуют образованию общезульгативного СД (*æрбацайцыди*). Однако при этом удельный вес использованных лексем с частицами *-иу-* и *-цай-*, эксплицирующих характер распределения процесса на временной оси, намного уступает частотности употребления форм приставочных глаголов.

В отличие от русского и осетинского языков преимущественно флективных по своей структурной модели в английской языковой культуре отсутствуют специальные формальные средства выражения аспектуальных значений. Последние проявляются посредством временных форм, контекста и аспектуальной установки глагольной лексики, детерминированной в том числе и ее лексическим значением. Разные временные разряды имеют закрепленные за собой видовые смыслы, при этом аспектуальная сущность только некоторых из времен не ставится грамматистами под сомнение благодаря наличию у них постоянного видового значения, не обусловленного контекстом. Для выражения самых разных аспектуальных смыслов английский язык имеет в своем распоряжении целый арсенал средств, таких, например, как объединение в глагольные сочетания фазового компонента *start/begin to* и основного глагола для выражения начинательности. При этом лексическим ядром конструкции является ее вторая составная часть, а акциональное значение вытекает из сочетания в целом.

I'm very sorry you've been annoyed,» said Alice, who was beginning to see its meaning [9,89]. — Ой, простите за беспокойство! — сочувственно сказала Алиса. Она начала понимать, в чем дело [10, 72].

There was nothing else to do, so Alice soon began talking again [9,40]. — Так как никакого другого занятия у нее не было, Алиса вскоре опять заговорила сама с собой [10, 19].

And here Alice began to get rather sleepy, and went on saying to herself, in a dreamy sort of way, «Do cats eat bats?» [9,40]. — Тут Алиса совсем задремала и только повторяла сквозь сон: Скушает кошка ле-

тучую мышку? Скушает кошка летучую мышку? [10,19].

Помимо аналитической схемы формирования начинательного СД (словосочетаниями с фазовыми глаголами *to start u to begin*), последний может быть выражен в английской языковой культуре имплицитно: с помощью логической трансформации. В такого рода ситуациях английская языковая культура обращается к глаголам основного разряда (*indefinite*). И даже если начало действия специально не выражено, смена событий подразумевает тот очевидный факт, что у каждого из следующих друг за другом действий есть начало и конец: *When the Mouse heard this, it turned round and swam slowly back to her* [9, 55]. — Услыхав это обещание, мышь повернула и медленно поплыла обратно [10, 37].

Промежуточное положение между эксплицитным и имплицитным выражением начинательности в английской лингвосистеме занимает глагольно-аналитическая конструкция *go + прилагательное психического или физического состояния*, которая транслирует идею постепенного наступления этого состояния или переход в это состояние (*to go mad — сходить с ума, свихнуться*): *«We quarreled last March-just before HE went mad, you know» (pointing with his tea spoon at the March Hare) — it was at the great concert given by the Queen of Hearts, and I had to sing* [9,111]. — Недавно, в марте — как раз когда вон он (он показал своей ложкой на Зайца) очумел. Понимаешь, у Червонной Королевы был прием, и в концерте я должен был петь [10,93].

Аспект принадлежит к числу тех грамматических категорий, которые наиболее тесно связаны с семантикой исходной глагольной лексемы. Не всякая дискурсивная ситуация может быть

«повернута» под произвольным углом зрения. Все зависит от ее внутреннего устройства. Если последнее по своей природе не обладает длительностью, его невозможно представить как длящееся; если же оно не имеет результата, то в нем невозможно выделить финальную фазу и т.п. Таким образом, аспектуальные антитезы естественным образом участвуют в классификации глагольной лексики — просто в силу того, что к одним лексическим классам могут быть применены одни противопоставления, а к другим — другие [6, 283].

Подтверждением сказанному могут послужить следующие текстовые фрагменты: *They all made a rush at Alice the moment she appeared; but she ran off as hard as she could, and soon found herself safe in a thick wood* [9, 78]. — Заметив Алису, все они, было, кинулись к ней, но она во всю прыть помчалась прочь и скоро очутилась в густом лесу [10,59].

The Rabbit started violently, dropped the white kid gloves and the fan, and scurried away into the darkness as hard as he could go [9, 48]. — Кролик подскочил как ужаленный, выронив перчатки и веер, отпрянул в сторону и тут же скрылся в темноте [10, 29].

СД достаточно часто накладываются друг на друга, формируя целый комплекс аспектуальных смыслов в пределах одного контекста. Так, например, в последнем из приведенных примеров действие воспринимается реципиентом скорее как мгновенное. Хотя в целом налицо как начало, так и завершение предпринятого субъектом акционального шага.

Глагольные лексемы, отражающие процесс говорения, достаточно часто используются для введения в контекст прямой речи. При этом обращает на себя внимание следующее. В английской языковой культуре эту функцию

выполняют глаголы основного разряда, так как они включены в повествование. Что касается русского языка, то им соответствуют, чаще всего, глагольные образования выражающие начинательный СД.

Сравним:

«The lobsters!» shouted the Gryphon, with a bound into the air [9, 145]. — Омабра! — завопил Грифон, изо всех сил подпрыгнув —... в море! [10, 140].

«Swim after them!» screamed the Gryphon [9, 145]. — Сами кидайтесь за ним вплавь! — завопил Грифон [10,140].

«Leave off that!» — screamed the Queen. You make megiddy [9,123]. — Прекратить поклоны! — завизжала Королева. — У меня голова кружится! [10,112].

В нижеследующем текстовом фрагменте удачно аккумулированы несколько потенциальных возможностей английской языковой системы в ее способности выразить начинательный СД. А именно: 1) глаголом основного разряда в прошедшем времени в сочетании с маркером времени; 2) аналитически, словосочетанием с фазовым глаголом *to begin*, обозначающим начальную фазу действия и, наконец, 3) глаголом основного разряда в будущем-прошедшем в комбинации с оборотом, транслирующим намерение совершить действие.

Just at this moment Alice felt a very curious sensation, which puzzled her a good deal until she made out what it was: she was beginning to grow larger again, and she thought at first she would get up and leave the court; but on second thoughts she decided to remain where she was as long as there was room for her [9,160]. — Как раз в эту минуту Алиса почувствовала, что в ней происходит что-то странное. Сперва, она никак не могла понять, в чем дело, но, в конце концов, догадалась: она опять начала расти! Она, было, хотела

встать и уйти из зала, но потом передумала и решила остаться, пока сможет тут помещаться [10, 153].

Представляется, что говоря о тех или иных СД, следует обратить внимание и на то обстоятельство, что смысловая нагрузка одного и того же СД может различаться. Так, в частности, привлеченный к анализу начинательный СД русского языка неоднороден в своих дискурсивных стратегиях. Последний включает в свою активность два момента: 1) значение инхоативности и 2) значение ингрессивности действия. Так, словообразовательная модель с формантом *за-* используется в русской лингвокультуре при описании гомогенных ситуаций, когда описывается возникновение определенной привычки: *Выйдя замуж, она заварила супы*. Когда же речь заходит о гетерогенной деятельности человека, инхоативность выражена описательно. Так, можно *начать варить суп (строить дом, писать письмо)* [11, 109]. Ингрессивный СД включает в свою орбиту одновременно три стадии: значение начала действия, некоторую его продолжительность и достижение определенного результата. Эквивалентом данного СД в русском языке становятся глаголы обоих аспектологических классов с формантом видового значения *по-*: *почувствовать, помчаться, покатиться* и т. д.

Функционирование отмеченных проявлений начинательного СД в русской лингвокультуре достаточно скрупулезно описано в известном исследовании «Введение в русскую аспектологию» [11]. Помимо собственно инхоативных глаголов, ученые выделяют в отдельную группу несобственно инхоативные глагольные лексемы, которые в от-

личие от первых 1) обладают соотносительными формами имперфективных коррелятов. Например: *заболеть/заболевать, зацвести/зацветать, закурить/закуривать, заговорить/заговаривать, запеть/запевать, загореться/загораться, закипеть/закипать*. Граммемам НСВ в приведенных оппозициях свойственно наличие в них начальной (подготовительной) фазы, не характерной для собственно инхоативного СД. Так, например, лексема *закуривать* означает зажигать сигарету и делать первую затяжку, глагол *зацветать* обозначает тот период времени года, когда на деревьях начинают распускаться первые цветы, а лексема *заболевать* описывает состояние, предшествующее самой болезни и т. д.; 2) обозначают не начальный отрезок процесса, а действие в целом (напр.: *закричать*) или же включают в свою семантику идею постепенного овладения определенными качествами: *заинтересоваться, затосковать, загрустить, задремать* и т. д.

Инхоативный СД достаточно продуктивен в русской разговорной речи, так как задействован при формировании новообразований типа: *завздыхать, запрезировать, заиметь, зауважать, запроситься (гулять), засобираваться (домой)* и т. д. Что касается ингрессивного СД, то последний проявляется при опоре на две группы глагольных лексем. А именно: 1) глаголов определенного или направленного движения (*пойти, побежать, полететь, покатиться, поскакать, помчаться, подуть (о ветре), повалить (о снеге), полить (о дожде), посыпаться и т. д.*) и 2) глаголов восприятия и внутреннего состояния (*показаться, почудиться, по-*

чувствовать, померещиться, подумать, полюбить, понравиться). Однако значение начинательности в такого рода лексемах несколько ослаблено. Так, высказывания *повести машину, повезти детей в школу* или *понести белье в прачечную* обозначают не столько начало действия, сколько действие как таковое (действие в целом) [11, 108-110]. В русских претеритальных повествовательных текстах, в отличие от многих других естественных языков, отмечается высокая степень обязательности выражения границ деятельности или процесса, включенных в повествование, прежде всего при помощи производных глаголов с приставками *за-* и *по-* или аналитических конструкций с фазисными глаголами *начать, стать*, «употребление которых характеризуется снижением осознанности и обусловленности коммуникативными намерениями говорящего» [12, 109].

В осетинской лингвосистеме начинательный СД складывается посредством форманта видового значения *ны-*, функционально приближенного к русскому *за-*: *Ама нызарыди сохъхъыр уайыг* [13, 209] или же аналитически, когда значение начинательности присутствует в семантике исходной глагольной лексемы: ... *ама уоми, гъауи ма да, кафунта ма, зарунта байдæдтонца, цума киндза» рхасдтонца, уота — и там вдоволь и танцевать, и песни петь стали, как будто свадьбу сыграли.*

Говоря о функциональной близости русских и осетинских приставок, В. И. Абаев отмечал, что в этом нет ничего удивительного. «Скифская группа иранских языков, к которой принадлежит осетинский, была от глубокой древности про-

двинута в Европу и много веков соседствовала с европейскими, особенно восточноевропейскими языками, в то время как остальные индоиранские языки уже давно переместились на восток и на юг и утратили всякий контакт с Европой» [8, 4]. Исторические данные позволяют утверждать, что «из языков европейского круга скифский больше всего соприкасался со славянскими языками. Их контакты начались, вероятно, со времени обособления славянской группы, т. е. со второй половины II тысячелетия до нашей эры и продолжались до гуннского нашествия, т. е. до IV в. н. э., стало быть, около пятнадцати веков. Такое длительное общение способствовало появлению не только лексических, но и грамматических изоглосс» [8, 53].

Синтез обработанного эмпирического материала позволяет установить межъязыковые коллизии в пределах способов выражения начинательности в осетинской, русской и английской лингвосистемах суть которых заключается в следующем. К какой бы структурной модели не принадлежал исследуемый язык, последний всегда отыскивает в своем арсенале средства, способные выразить те или иные аспектуальные смыслы. Хотя, безусловно, в рамках одной языковой культуры видовые оттенки формируются гораздо более непринужденно, другая же прибегают к всевозможным «уловкам» или даже «ухищрениям». Вместе с тем каждая лингвосистема обладает достаточным потенциалом для экспликации самых филигранных аспектуальных нюансов. И в этом смысле изучение аспектуального потенциала любого естественного языка открывает перед

исследователем широкие возможности и «преподносит» богатый эмпирический материал для разысканий. Однако при этом следует помнить о взаимовлиянии и о взаимообусловленности языковых систем, даже не находящихся в тесном генетическом родстве.

Примечания

1. Речь идет «о процессе ограниченном своим объектом (одна сигарета)». Дело в том, что глагол *закуривать* может иметь и собственно инхоативное значение, соответствующее узуальному значению глагола *курить*: *Он два месяца не курил, а сейчас снова закурил* [11, 108].

2. Пример заимствован [14, 124].

1. Оглоблин А. К., Храковский В. С. Петербургская типологическая школа // Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов. СПб., 2011. С. 9-16.

2. Калабекова Л. Т. Теоретическая и прагматическая значимость контрастивного метода в изучении разноструктурных языков // Вестник СОГУ им. К. Л. Хетагурова. 2012. № 2. С. 315-321.

3. Плунгян В. А. К дискурсивному описанию аспектуальных показателей // Типологические обоснования в грамматике: к 70-летию проф. В. С. Храковского. М., 2004. С. 390-411.

4. Dahl Ö. Standard Average European as an Exotic Language // Toward a typology of European languages. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1990. Pp. 3-8.

5. König E., Haspelmath M. Der europäische Sprachbund // EuroLinguistik. Ein Schritt in die Zukunft. Wiesbaden, 1999. S. 112-127.

6. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

7. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка // Осетинско-русский словарь. Изд. 3-е. Владикавказ, 2011. С. 435-559.

8. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

9. Lewis Carroll. Alice in Wonderland. М., 1979.

10. Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в Стране чудес. М., 2012.

11. Зализняк Анна А., Шмелёв А. Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

12. Петрухина Е. В. Русский глагол: категория вида и времени. М., 2009.

13. Нарты кадджытæ. Изд. 2-е. Орджоникидзе, 1975. (на осет. яз.)

14. Исаев М. И. Дигорский диалект осетинского языка. М., 1966.

Kalabekova, Lyudmila T. — K.L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); nosu@nosu.ru

Takoeva, Tamara A. — K.L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); nosu@nosu.ru

DISCURSIVE MATRIX OF THE LANGUAGES WITH DIFFERENT SYSTEMS IN TYPOLOGICAL ASPECT.

Keywords: interlingual collisions, discourse information, linguistic culture, ethnic component, aspectual meaning, genetic relationship.

At the current stage of science development, contrastive linguistics, as one of the most promising fields in modern linguistics, increasingly turns to the text, to speech acts, to the realization of linguistic means in discourse, using the most productive methods and the topic which is given the highest priority of contemporary language studies. Thus, in particular, any aspectological analysis of language material seems incomplete without mentioning the discourse theory of aspect, which has both its adherents and ardent opponents. Meanwhile, the adherents of discourse analysis do not oppose their concept to the traditional approach, but interpret it as its extension and complement. Discourse information is close to the syntactic one. It only confirms the status of the language unit in the text, but does not reflect the properties of the surrounding world directly. The mentioned theory assumes linking the values of aspectual grammars not with the internal properties of the situations described by the verbal vocabulary, but with their functional significance within a specific text. The appearance of discursive uses in a specific grammeme is considered as a sign of its linguistic «maturity» and a high degree of grammaticalization. In languages with different structural and intra-linguistic settings (such as Ossetian, Russian, and English), the means of representing the nature of the action flow are fundamentally different. At the same time, the ethnic component becomes important in understanding the resulting interlanguage conflicts: significantly different mental perception of the surrounding world by different ethnic groups, their ability to display the same phenomena of reality in different ways. At the same time, the idea of the existence of a pan-European language standard is postulated today. According to this idea a significant group of languages united by the commonality of their structural identity can be designated within the European area. In this language group, the areal proximity of linguistic cultures affects not only the inventory of grammatical meanings, but also the principles of the grammatical systems structure.

REFERENCES

1. Ogloblin, A. K., Khrakovskii, V. S. *Peterburgskaya tipologicheskaya shkola* [The Petersburg typological school]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya, posvyashchennaya 50-letiyu Peterburgskoi tipologicheskoi shkoly: Materialy i tezisy dokladov* [International conference on the St. Petersburg typological school 50th anniversary. Papers and abstracts]. St. Peterburg, Nestor-Istoriya, 2011, pp. 9-16.
2. Kalabekova, L. T. *Teoreticheskaya i pragmaticheskaya znachimost» kontrastivnogo metoda v izuchenii raznostrukturnykh yazykov* [Theoretical and pragmatic significance of the contrastive method in the study of different structural languages]. *Vestnik SOGU* [Bulletin of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University]. Vladikavkaz, 2012, no. 2, pp. 315-321.
3. Plungyan, V. A. *K diskursivnomu opisaniyu aspektualnykh pokazatelei* [On the discursive description of aspectual indicators]. *Tipologicheskie obosnovaniya v grammatike: k 70-letiyu prof. V. S. Khrakovskogo* [Typological substantiations in grammar: to the 70th anniversary of prof. V. S. Khrakovskiy]. Moscow, Znack, 2004, pp. 390-411.
4. Dahl, Ö. *Standard Average European as an Exotic Language. Toward a typology of European languages*. Berlin — New York, Mouton de Gruyter, 1990, pp. 3-8.
5. König, E., Haspelmath, M. *Der europäische Sprachbund. Eurolinguistik. Ein Schritt in die Zukunft*. Wiesbaden, 1999, s. 112-127.

6. Plungyan. V.A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of world languages]. Moscow, RGGU, 2011. 672 p.
7. Abaev, V.I. *Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka* [Grammar essay on the Ossetian language]. *Osetinsko-russkii slovar». 3 izd.* [Ossetic — Russian Dictionary. 3rd ed.]. Vladikavkaz, Ir, 2011, pp. 435-559.
8. Abaev, V.I. *Skifo-evropeiskie izoglossy* [Scythian-European isoglosses]. Moscow, Nauka, 1965. 168 p.
9. Lewis Carroll. *Alice in Wonderland*. 3rd ed. Moscow, Progress, 1979. 236 p.
10. Lyuis Kerroll. *Priklyucheniya Alisy v Strane chudes* [Alice's Adventures in Wonderland]. Moscow, Labirint Press, 2012. 168 p.
11. Zaliznyak, A. A., Shmelev, A. D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian Aspectology]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 2000. 226 p.
12. Petrukhina, E. V. *Russkii glagol: kategoriya vida i vremeni* [Russian verb: category of type and time]. Moscow, MAKS Press, 2009. 208 p.
13. *Narty kaddzhytæ. Izd. 2-e.* [Nart legends. 2nd ed.]. Ordzhonikidze, Ir, 1975. 368 p. (in Ossetian)
14. Isaev, M.I. *Digorskii dialekt osetinskogo yazyka* [Digor dialect of the Ossetian language]. Moscow, Nauka, 1966. 223 p.